

VI. Урбанизация: от городов-миллионеров до села

1. Какой город выгоден?
2. Здесь живет пятьдесят миллионов.
Судьбы малого города.
3. Сельская столица.
4. Города и годы.
5. Города и горожане. *В. Переведенцев, Г. Самсонов.*
6. Города-миллионеры.
7. Каким быть селу?
8. Переезд – не выход.

КАКОЙ ГОРОД ВЫГОДЕН?*

Города завтрашнего дня создаются сегодня, какими они будут? Почему их развитие не всегда соответствует градостроительным теориям? Необходим широкий экономико-социологический подход к этим проблемам, утверждает автор.

Теория и практика

Будущий историк советского градостроительства, несомненно, отметит одну интересную деталь. В пятидесятых и шестидесятых годах нашего столетия теория и практика решительно разошлись в вопросе о целесообразных размерах городов. Теория категорично утверждала, что оптимальный размер города — от 30 до 150 тысяч человек, допустимый — от 10 до 300 тысяч. Это не только провозглашалось в научных работах, но и было записано в указаниях и официальных руководствах по проектированию. Практика не менее решительно игнорировала теоретические соображения, инструкции и указания. Большие и сверхбольшие города продолжали стремительно расти, далеко обгоняя города малые и средние.

Обратимся к фактам последних лет. В начале 1959 года в городах и поселках городского типа проживало 100 миллионов человек, в начале 1966 года — 125 миллионов.

Рост численности населения городов разных размеров:

с населением 20—100 тыс. чел. — на 16%

100—500 > — 33%

500—1500 > — 49%

Наивысший относительный прирост был у городов, которые в 1959 году насчитывали от 200 до 250 тысяч, а после них — у городов с 400—500 тысячами жителей.

Примем во внимание, что дело происходило в годы решительного ограничения роста больших городов. Учтем, наконец, что мы сравниваем города в «юридических», а не фактических границах. А кому не известно о стремительном росте пригородов, население которых работает в большом городе? Следовательно, наиболее быстро росли города, переросшие «оптимальные» размеры, следом за ними шли города, размеры которых вышли за рамки «допустимых».

---

* Литературная газета N 38, 20 сентября 1967 г.

Весьма вероятно, что градостроительная практика несовершенна. Однако есть все основания думать, что главная причина разительных расхождений теории и практики в несовершенстве теории.

Каков же оптимальный размер?

Вопрос этот прост только на первый взгляд. Специалисты (говоря о господствующих взглядах) отвечают на этот вопрос так: оптимальный размер — это такой размер, при котором затраты на одного человека минимальны. Разумеется, при нормальных санитарно-гигиенических и бытовых условиях жизни. Просто и, на первый взгляд, убедительно. Так убедительно, что на этом пытаются построить градостроительную политику. Тем не менее, на мой взгляд, такое представление ошибочно.

Город — это не только дома, где живут люди, но и заводы, где они работают. Оказывает ли размер города влияние на производительность труда? В принципе давно известно: да, оказывает. Большой город **выгоден** с точки зрения производства. Это выгоды совместного использования энергетики, транспорта, водопроводного и канализационного хозяйств. Это обеспеченность квалифицированной рабочей силой. Это удобства кооперации. Это преимущества концентрации промышленного и гражданского строительства — мощная база, специализация, поточные методы. И многое другое.

Территориальная концентрация промышленности повышает производительность труда. Поэтому большой город сам создает предпосылки для дальнейшей концентрации производства.

Да, «содержание» человека в очень большом городе обходится дороже, чем в среднем. Но и отдача от каждого человека в таком городе больше. Насколько? Это требует специального исследования.

Принятое сейчас понимание оптимальных размеров города, на мой взгляд, неверно принципиально, методологически. Нельзя строить теорию, произвольно выхватывая одну сторону явления и забывая о другой, не менее важной. Если иметь в виду не только потребление, но и производство, то **оптимальным будет не тот город, в котором содержание человека дешевле, а тот, в котором разница между тем, что дает человек, и тем, что тратится на него, будет наибольшая.**

Однако, может быть, расходы на человека в очень большом городе намного выше, чем в «оптимальном»? Посмотрим. В городе на 100 тысяч жителей капитальные вложения и расходы на эксплуатацию фондов городского хозяйства в течение десяти лет (а только

этот срок и принимается во внимание) составляют 2 537 рублей, в городе на 800 тысяч — 2 724 рубля, то есть на 7 процентов больше. Всего на 7 процентов!

Ошибка теоретиков градостроительства вызвана, видимо, тем, что количественной теории размещения производительных сил пока еще нет. Важно знать не только направление влияния какого-либо фактора, но и силу этого влияния, его меру, а мера влияния территориальной концентрации производства на производительность труда не изучена.

При отсутствии теории дело ведется опытным путем. А ведь каждый хозяйственник ощущает, что работать в большом городе легче. Причем он принимает во внимание не только объективные народнохозяйственные преимущества большого города, но и выгоду с точки зрения именно данного предприятия. Скажем, каждый новый завод в большом городе формирует свою рабочую силу главным образом за счет других заводов: это значит — и люди приходят квалифицированнее, и меньше жилья строить надо. Вот потому-то, ощущая преимущества большого города, каждое министерство и стремится расположить в нем свои предприятия, если только технология это допускает.

Большой город выгоден с точки зрения производства. Отсюда и расхождения между теорией и практикой.

А в чем неудобства?

Если экономическая невыгодность большого и даже гигантского города крайне сомнительна, то бытовые его неудобства несомненны и ощущаются нами повседневно. Вопрос лишь в том: вытекают ли эти неудобства из самой природы большого города или зависят от каких-то иных причин?

Конечно, у большого города есть некоторые пока неизбежные минусы. Например, отрыв от леса, реки и т. д.

Однако несомненно, что Москва для жизни человека намного удобнее Новосибирска. Хотя в Новосибирске населения в шесть раз меньше. Вот почему берусь утверждать, что большинство неудобств большого города связано не с самой его величиной, а с градостроительными ошибками. Это ошибки прогноза роста города, несоответствие «оборудования» города его величине, чисто планировочные ошибки и, наконец, узкоэкономический подход к сфере обслуживания.

К сожалению, нередко строительство планируется на полмиллиона жителей, а вырастает город до миллиона. При этом все коммуникации, все коммунальное хозяйство, структура города и его планировка сохраняются в основном такими, как было намечено в начальном проекте. И город приобретает вид подростка, выросшего из своих одежд. Тут

жмет, там рвется, а тут уже и не натянешь. И бегают жильцы верхних этажей за водой вниз, городские речки превращаются в открытые канализационные коллекторы, а поездка на работу — в ежедневные испытания крепости мускулов и нервов. Вредные в санитарном отношении промышленные объекты обрастают жилыми массивами. Так случилось, например, в Кемерове, где в центре оказались коксохимический комбинат и ТЭЦ.

Или просчет иного рода. В центре Москвы сегодня постоянное столпотворение. На улицах не протолкнуться. А вспомним, каким был центр лет 15 назад! Толп не было. Откуда они взялись? От громадных магазинов — ГУМа, ЦУМа, «Детского мира». Их двери ежедневно пропускают около полумиллиона человек. Надо ли было рядом с одним громадным магазином открывать еще два — совсем гигантских?! Тем более что москвичи, видимо, не главные их посетители. Не логичнее ли было бы разместить самый крупный универмаг где-то на Комсомольской площади, у трех вокзалов?

Наконец, возьмем транспорт. Потери времени на поездки — один из серьезных доводов против большого города. Но связано ли это только с его размерами? Не правильнее ли потери времени отнести на счет планировочных ошибок? Разве неизвестно, что с одной московской окраины на другую, соседнюю, приходится ездить часто через центр, то есть по двум радиусам, вместо того чтобы проехать кратчайшим путем по хорде?

А главное и здесь — неверный, по-моему, узкоэкономический подход к планированию. Считается необходимым получить как можно большую прибыль с каждого автобуса, с каждого трамвайного вагона. С точки зрения рентабельности, идеальное положение таково: целый день вагон набит битком, как в часы пик. Но при этом мы безвозвратно теряем в другом. В производстве. Известны случаи, когда рабочие второй смены покидают завод задолго до конца рабочего дня, иначе придется час стоять на остановке. А разве так называемая транспортная усталость человека не сказывается на производительности его труда? На его настроении, наконец?

Если и к транспорту, и к связи, и к торговле подойти с дальним прицелом, опираясь на данные конкретных исследований, жители больших городов избавятся от многих огорчений.

Итак, недостатки большого города идут главным образом от градостроительных ошибок, и почти все эти недостатки можно устранить или сильно смягчить. Просто не следует забывать, что проблема оптимального города не должна сводиться к «голой» экономике. Важен здесь и социологический аспект. Не буду повторять А. Баранова («Литгазета», № 17). Отмечу только одно.

Человек стремится жить в большом городе. Эту тенденцию легко проследить. Она обусловлена многими факторами. В том числе — психологическими. Наивно думать, что тяга к большому городу вызвана одними материальными стимулами. Дело, видимо, в том, что образ жизни большого города лежит на магистральной дороге развития общества.

* * *

Так какой же город выгоден? Ответить на это не просто. Но необходимо. Это вопрос удобств жизни. Это и вопрос эффективности капитальных вложений. Ответ должна дать теория градостроительства, построенная на прочных экономических и социологических основах.

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ПЯТЬДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ*

Судьбы малого города

Малый город... Местная и «повсеместная» всесоюзная проблема, острейшая из наших городских проблем.

В стране около пяти тысяч малых (до 50 тысяч жителей в каждом) городов и поселков городского типа. Это 93 процента общего числа городов. Ежегодно возникает около 100 новых городов и поселков, а 10-12 малых городов переходят в разряд средних. В малых городах проживает 37 из каждых 100 горожан – почти 50 миллионов человек...

Плюсы и минусы

Малый город многолик. Я буду говорить о типичном среднестатистическом малом городе.

Его размер 9,7 тысячи человек. По составу населения, структуре хозяйства, размерам и источникам доходов, благоустройству, развлечениям и т.д. он стоит между большим городом и селом.

Иногда в нем соединены достоинства того и другого. Например, городское благоустройство и сельская близость к природе, широкий «спектр» занятий и небольшие потери времени на внутригородские переезды. Однако чаще малый город «вбирает» в себя отрицательные черты и большого города, и деревни.

Недостатки малого города ярче всего видны, когда анализируешь бюджет времени населения. Вот характерные данные о свободном времени у женщин, занятых в текстильной и металлообрабатывающей промышленности большого и малого городов (в часах и минутах при пятидневной рабочей неделе):

День	Большой город	Малый город
Будний	2.17	1.20
Первый выходной	5.25	2.55
Второй выходной	6.55	3.05

* Литературная газета N 3, 17 января 1968 г.

Откуда такая разница? Время «съедается» домашним и личным подсобным хозяйством. Малый город недостаточно хорошо снабжается, и подсобное хозяйство – огород, поросенок, куры – необходимо жителям.

Если сюда добавить небольшие возможности выбора профессии и повышения квалификации, более низкую заработную плату, отсутствие вузов, а то и техникумов, то ясно, что молодежь и наиболее квалифицированные кадры перебираются в большой город. На их место приезжают деревенские жители. Низкая профессиональная подготовка вчерашних крестьян – одно из серьезнейших препятствий на пути промышленного развития малого города. А местные руководители, да и не только они, именно этот путь считают главным.

Журавль в небе

Есть два основных аргумента в пользу строительства промышленных предприятий в маленьком городе. Во-первых, здесь почти всегда имеется избыточная рабочая сила. Во-вторых, как считают некоторые работники центральных плановых органов, переместив промышленность в маленькие города, мы положим конец «чрезмерному» развитию городов больших. Но что такое «чрезмерное» развитие, с чего оно начинается – этого пока никто не знает.

Обратимся к первому аргументу – избытку рабочей силы. Откуда берется избыток? Ведь люди приезжают из села не потому, что там им нечего делать. Очень часто в их колхозах не хватает рабочих рук. Просто в городе пока выше уровень жизни. Но поскольку уровни сближаются, избыток рабочих рук скоро исчезнет.

Реальный ли это путь – насаждение промышленности?

Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР провел специальное исследование, чтобы выяснить, в каких маленьких городах существуют благоприятные условия для развития промышленности. Оказалось, таких перспективных пунктов примерно 500. Как будто не мало. Но ведь это из пяти тысяч, то есть лишь каждый десятый город. А девять из десяти?

Я не вполне уверен, что и в пятистах городах условия для размещения промышленности так уж хороши. Во всяком случае, доказательств в книге «Пути развития малых и средних городов» нет (именно в этой книге названа цифра 500). Зато есть другое – данные о сравнительной эффективности промышленности в городах разных размеров. Самая высокая эффективность – в самых больших городах, самая низкая – в малых. Вот эти данные (в процентах к городам размером 100-250 тысяч человек):

Размер городов в тыс. чел.	Приходится на одного работающего в промышленности		Фондоотдача
	валовой продукции	промышленно- производственных фондов	
Свыше 1000	138	59	209
100-250	100	100	100
До 50	90	110	81
Поселки городского типа	73	114	63

Относительно низкая производительность труда и фондоотдача в малых городах тем более показательны, что в структуре их промышленности очень велика доля легкой и пищевой – отраслей наиболее «высокопроизводительных» и наименее фондоемких. Поэтому мне и кажется, что даже выделенные 500 городов не получат в ближайшие годы большого промышленного развития. Для остальных же 90 процентов промышленное развитие – несбыточная мечта. Даже не журавль в небе. Скорее – сказочная жар-птица.

Однако я совсем не вижу здесь повода для уныния. Убежден, что подавляющее большинство малых городов и рабочих поселков имеет прекрасные перспективы развития при весьма умеренном, однако, росте.

Рост и развитие – это совсем не одно и то же. Рост – увеличение объема, развитие – усложнение структуры, умножение функций, приобретение новых качеств. Есть недоразвитые города-гиганты, есть высокоразвитые средние города. Большинство малых городов, конечно, и малоразвито. Однако их будущее, на мой взгляд, отнюдь не в насаждении в них промышленности.

ПУТИ РАЗВИТИЯ

Маленький город живет не «для себя». Тысячами нитей связан он и с большим городом, и с деревней.

Сельские жители приезжают сюда обычно в магазины. К сожалению, часто бывает так, что здесь многого не купишь, и приходится ехать куда-то еще.

Денежные доходы сельского населения быстро растут. Селу нужны товары все более широкого ассортимента и все более высокого качества. Хорошие универмаги и специализированные магазины, где можно было бы купить все, за чем часто еще приходится ехать в большой город, - потребность уже сегодняшняя. Малый город должен удовлетворять ее.

Деревенскому жителю, особенно молодежи, стала нужна дорогая и, что еще важнее, модная одежда. Малый город должен иметь первоклассные ателье.

Сельские жители теперь покупают и мотоциклы, и холодильники, и телевизоры, и стиральные машины. Нужно, чтобы ремонтировалась вся бытовая техника в ближайшем городе, а не обязательно в областном центре.

Всестороннее бытовое обслуживание сельского населения – вот первый и совершенно реальный путь развития малого города. Кстати, высокоокупающийся в самом прямом смысле.

Второй, не менее важный, путь – развитие образования. Одна средняя школа приходится, как правило, на много сел. Ученики старших классов иногда ездят за несколько километров, а то и десятков километров. Введение всеобщего среднего образования неизбежно вызовет преимущественный рост городских средних школ. Многие предпочтут учиться в городской, за 20-30 километров от дома, чем в сельской, которая находится в 10-15 километрах. Будут, вероятно, быстро расти и расширяться интернаты. Ведь «снимать угол» - не выход из положения для школьников...

Большой город предъявит малому свои требования – и не меньшие.

Во-первых, с точки зрения отдыха. В недавнем прошлом многие горожане отдыхали в деревне, обычно в той, откуда они родом. Теперь коренных горожан становится все больше, их связи с селом несравненно слабее, чем у недавних выходцев из села, но они тоже предпочитают на время отдыха куда-нибудь уехать. Два выходных в связи с переходом на пятидневку, удлинение двенадцатидневного отпуска на три дня – все это скажется быстро.

Малый город – лучшее место для организации отдыха. Традиционные «всесоюзные базы» - Черноморское побережье, Рижское взморье – летом перенаселены. К тому же там человек далеко не всегда избавляется от специфических городских «перегрузок». Реальная «ценность» летней реки, осеннего леса, заснеженных холмов быстро растет. Большинство горожан хотело бы провести отпуск на природе и с «городским» комфортом. Для многих городков типа Плеса, Тарусы, Ясини (Закарпатье) обслуживание отдыхающих может стать основным «профилем».

Неизбежно в громадных размерах будет расти туризм. И не только в его «организованной», с моей точки зрения, не самой ценной форме. В недалеком будущем можно предполагать бурное развитие автотуризма. Значит, потребуются мотели, заправочные станции. Туризм оживит многие малые города, даже не имеющие особых исторических и художественных ценностей. Я уже не говорю о городах типа Суздаля, для которых обслуживание туристов станет, бесспорно, главным родом деятельности.

И, наконец, последнее по счету, но не по важности. Мы живем в период стремительного «постарения» населения. С 1959 по 1966 год доля людей пенсионного возраста среди населения СССР увеличилась с 11 до 14 процентов и продолжает увеличиваться. Условия жизни в больших городах для пожилых людей отнюдь не идеальны. В некоторых странах существуют «пенсионерские города». Можно предвидеть при определенных условиях появление таких городов и в СССР. Ими, прежде всего, станут малые города с высоким уровнем благоустройства и бытового обслуживания и хорошими природными условиями.

***

Даже из этого краткого и далеко не полного перечисления видно, как велики и многообразны возможности развития малых городов. Нет никаких оснований связывать это развитие лишь с насаждением промышленности. Более того – надо еще и еще раз взвесить возможные экономические последствия значительных капитальных вложений в промышленность малых городов.

Быстрый рост малых городов невозможен, быстрое их развитие не только возможно, но и необходимо.

СЕЛЬСКАЯ СТОЛИЦА*

Как бы мал ни был маленький город, все-таки он столица для тех сел, которые его окружают.

По единодушному мнению специалистов, наиболее трудная наша «городская» проблема — оживление, активизация малых городов — организующих центров сельскохозяйственных районов. Это чаще всего даже не малые, а мельчайшие города и городки. Обитает в них нередко всего три-пять тысяч жителей, промышленность почти отсутствует, значительная часть населения живет сельским хозяйством. И облик у них не очень городской — одноэтажные индивидуальные дома, широкие немощеные улицы, сады и обширные огороды, стада личных коров, покидающих городок на рассвете и возвращающихся в сумерки.

Пожалуй, только по административному справочнику отличишь эти городки от многих рабочих поселков и крупных сел, выполняющих ту же функцию, что и они, — организующих центров сельских районов.

На фоне стремительно развивающихся индустриальных центров городки эти выглядят неказисто. И отношение к ним зачастую снисходительно-пренебрежительное, хотя роль их в нашем обществе и хозяйстве весьма важна. Дело в том, что они возглавляют стомиллионный сельский мир. На типичный центр сельскохозяйственного района приходится от нескольких десятков (на степном юге) до нескольких сот (на лесном севере) сел, деревень, поселков, хуторов, заимок, железнодорожных разъездов, лесных кордонов и проч. Для жителей всех этих поселений ближайший, даже самый малый, город имеет огромное значение.

Город руководит, финансирует, контролирует, снабжает, учит, лечит, судит, развлекает и т. д. — то есть выполняет самые что ни на есть столичные функции. И от того, как он эти функции выполняет, не в малой степени зависит и развитие хозяйства

---

* Литературная газета № 44, 30 октября 1968 г.

района, и уровень жизни местного населения, стиль и образ этой жизни. По районному центру можно судить о районе и по району — о его центре. И нельзя «поднять» село в обход его центра. В решении громадной проблемы, поставленной нашей партией, — ликвидировать социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и селом — сельским столицам будет, несомненно, принадлежать во многом ведущая роль.

Обычно основную причину малоразвитости местных центров видят в отсутствии в них промышленности союзного или республиканского значения. Никто не станет спорить: такая промышленность способствует развитию города. Но так же несомненно и то, что подавляющее большинство сельских столиц не имеет условий для развития значительной промышленности. Это хорошо показано в ряде крупных научных исследований. Авторы опубликованных работ приходят, в основном, к выводу, что такие города надо развивать «по линии первичной и последующей переработки сельскохозяйственных продуктов», что они должны занять свое место в экономике «как ремонтные базы сельскохозяйственной техники или организующие центры парникового хозяйства». Кроме того, «центры сельскохозяйственных районов... призваны обеспечивать крупные города продуктами питания и обслуживать в культурно-бытовом отношении окружающую территорию...» (цитирую книгу «Пути развития малых и средних городов», изд-во «Наука», М., 1967).

Думаю, что в этом перечислении самое главное поставлено на последнее место. В сельском центре должны быть развиты прежде всего его столичные функции всестороннего обслуживания населения своего района, поскольку именно эти функции передать некому. Что касается переработки сельскохозяйственной продукции или ремонта сельскохозяйственной техники, то фактически все это есть даже в мельчайших районных городках.

Вот перечень предприятий и учреждений типичного райцентра — города Мосальска Калужской области: овощесушильный завод, молокозавод, хлебопекарня, райпромкомбинат, комбинат бытового обслуживания, отделение «Сельхозтехники», контора «Заготскот», «Межколхозстрой», автохозяйство. И хотя в Мосальске менее четырех тысяч жителей и значительная часть их занята сельским хозяйством, существует проблема трудоустройства.

Что происходит в последние годы в селе и как откликается на эти изменения местный центр?

В селе все более заметны экономические и социальные сдвиги. Увеличилось количество рабочих в совхозах за счет колхозников. Колхозы перешли на денежную оплату труда, а уровень оплаты повысился.

Все это привело к тому, что быстро возрос спрос сельского населения на промышленные товары, появились новые требования к торговле. А как ответил на это райцентр? Увы, за многими покупками сплошь и рядом приходится по-прежнему ехать в областной центр, а то и в Москву. И не только за товарами дефицитными. Мне, например, случалось видеть, как колхозницы во время уборки, когда каждый человек на счету, ехали в областной город за школьной формой для своих детей.

Повысилась и требовательность к качеству товаров. Времена, когда в деревне или райцентре можно было сбывать то, что «не шло» в большом городе, проходят. И здесь женщины хотят носить модные туфли и модные платья.

В сельской столице должен быть не жалкий раймаг в нынешнем его виде, а солидный «торговый центр», не уступающий ни внешним видом, ни набором товаров своему собрату в промышленном городе. Несколько десятков тысяч жителей, тяготеющих к такому центру, при нынешних доходах создадут ему вполне достаточную для рентабельности «нагрузку».

Техника, машины уверенно входят в сельский быт. Недалеко то время, когда дома колхозников будут так же «насыщены» холодильниками, стиральными машинами и телевизорами, как и квартиры горожан. А это все потребует развития предприятий по их обслуживанию и ремонту, которых сейчас в местных центрах почти нет.

Но дело не только в бытовой технике. В семье отмирают и некоторые устаревшие хозяйственные функции. Наши бабки когда-то сами пряли, ткали и шили. Теперь женщины в селах разве что шьют, и то потому лишь, что легче сшить, чем иметь дело с мастерской. Как в тридцатые годы быстро и почти повсеместно прекратили ткать холсты для собственного потребления, так сейчас хозяйки все реже пекут «хлебы».

Местный центр должен освободить сельскую женщину от многих видов изнурительного и малопродуктивного домашнего труда. Это имеет не только прямое

экономическое значение. Несомненно, что одна из важнейших причин стремления молодежи в города — крайняя отсталость деревенского быта. Хорошо известно, что женщина, работающая в колхозе, например, если учесть еще и ее домашние нагрузки, летом свободного времени фактически не имеет.

Одним словом, сельская столица должна иметь полный «комплект» обслуживающих окрестное население учреждений и предприятий, и не каких-нибудь, а современных и совершенных. Чтобы, скажем, в Яранске, Темникове или Жиздре сельский житель мог сшить себе платье по тем же картинкам, что в областных или даже столичных городах, чтобы в парикмахерской ему сделали прическу по последней, а не пятилетней давности моде, чтобы он мог сходить в широкоэкранный кинотеатр, а в местной библиотеке найти новинки литературы.

Многое изменит и переход к всеобщему среднему образованию. Сельская столица — не только лучшее, но и зачастую единственно возможное место для средних школ, в которых обучались бы дети окрестных сел. Вот, например, в Юхновском и Мосальском районах Калужской области около тридцати тысяч сельских жителей проживают в 340 населенных пунктах, более половины из которых имеют до 50 жителей и только 15 — свыше 200. Целесообразно ли в таких малонаселенных пунктах создавать средние школы? Очевидно, в исключительных случаях это возможно, но, несомненно, основное тяготение будет к районному центру.

В республиках Прибалтики сельских ребятишек отвозят в школы на автобусах. В некоторых малонаселенных местах строят интернаты. Видимо, в разных условиях нужны разные варианты. Но учить сельских детей надо главным образом в городах. Кстати, это позволит существенно повысить уровень их подготовки. Известно, что выпускникам сельских школ нелегко нынче попасть в вуз.

Несомненно, что высокие свои столичные функции малый город успешно выполнит только в том случае, если жизнь в нем самом будет интересной, полной, духовно богатой. Мы уже многое знаем об экономике малого города, но почти ничего о его социологии. Каковы интересы, стремления, надежды его жителей? Довольны ли они своей ролью, своим местом в нашем обществе?

Кое о чем можно судить по косвенным данным. Известно, например, что местные центры становятся «перевалочными пунктами» движения населения из села в большой город. Расстраиваться тут нечего. В конечном счете это, видимо, вполне закономерно. Худо другое: очень слаб приток из большого города в малый. Такая «односторонняя» направленность миграции отнюдь не способствует росту культуры малого города, активизации его духовной жизни.

Сельская столица может и должна занять свое достойное место в культурной и хозяйственной жизни нашей страны. Этому требуют интересы всего стомиллионного сельского населения.

ГОРОДА И ГОДЫ*

В последнее время ожесточенные споры вызывают проблемы дальнейшего роста и развития городов. Собираются ли на свое совещание градостроители или экономисты, географы или демографы — тотчас сталкиваются противоречивые точки зрения, разгораются жаркие прения. А города между тем растут и развиваются, рождаются и старятся, и все это проходит явно не так, как предписывают им иные градоведы.

В конце минувшего года вышел очередной справочник «Народное хозяйство СССР». Из него видно, в том числе и то, как растут, куда идут наши города.

Что говорит статистика

За девять лет после переписи 1959 года в полную меру выявились основные тенденции развития городов — идет преимущественный рост больших городов, бурно расширяются агломерации. И все это несмотря на громадные усилия по «регулированию роста», несмотря на решения, постановления.

В начале 1959 года в городах СССР жили 100 миллионов человек, в начале 1968-го — 131 миллион. В 1961 году горожан впервые стало больше, чем сельских жителей, а к началу 1968 года их было уже 55 процентов населения страны. За это время появилось около 800 новых городов и рабочих поселков. Однако основной прирост — 25—26 миллионов человек — пришелся на старые города. При этом чем больше был город, тем больше он увеличился. На первом месте по абсолютному приросту стоит Москва (полмиллиона человек), на втором — Ленинград, на третьем и четвертом — Киев и Ташкент. И, что самое интересное, наиболее высокие темпы прироста населения имели города, в которых в 1959 году было от 400 до 600 тысяч человек — свыше 35 процентов. Напомню, что по господствующим в нашем градостроительстве воззрениям, оптимальными считаются города с населением 50—200 тысяч человек, допустимыми — до 400 тысяч. Значит, быстрее всего росли города, вышедшие за пределы «допустимых».

«Оптимальные» города росли тоже быстро, становясь неоптимальными. Общий рост населения в городах разных размеров был таким:

---

* Литературная газета № 9, 26 февраля 1969 г.

Города с населением	Число жителей в них (в миллионах)		1968 г. в процентах к 1959 г.
	в 1959 г.	в 1968 г.	
до 50 тыс. чел.	40,4	48,6	120
50—100 -"-	11,0	12,9	117
100—500 -"-	24,4	34,3	141
более 500 -"-	24,2	35,1	145
Всего	100,0	130,9	131

Более двух третей всего прироста пришлось на большие города (свыше 100 тыс. жителей в каждом), и доля их в городском населении поднялась с 48 процентов до 53.

Из приведенных данных ясно, что прошедшие годы были временем бурной урбанизации и не менее бурной концентрации городского населения в больших и сверхбольших городах.

Однако наша статистика недостаточно точно отражает происходящий процесс. Во многих странах в последние 20 лет, кроме населения отдельных городов, учитывают население городских скоплений — агломераций. К сожалению, ЦСУ, невзирая на многочисленные предложения специалистов, этого пока не делает, хотя такие данные очень нужны: многие полагают, что в агломерациях сейчас проживает не менее 80 процентов горожан страны.

По единодушному мнению градovedов, образование и развитие агломераций — наиболее характерная черта расселения в XX веке. Внешние части агломераций растут несравненно быстрее ее центра. Приведу один пример. За минувшие 9 лет из всех крупных городов Москва имела самый небольшой относительный прирост. Однако ближайшие к ней города росли исключительно быстро. Сейчас в Московской области 22 города с населением свыше 50 тысяч человек в каждом. Города, расположенные на расстоянии не более 50 километров от центра Москвы, выросли за 9 лет на 38 процентов, в то время как расположенные дальше — всего на 19 процентов. Но разве не ясно, что рост Реутова, Химок, Мытищ, Красногорска и многих других городов и поселков — это, по существу, рост самой Москвы?

Чем жестче ограничивался в последние годы рост крупнейших городов, тем быстрее росли входящие в их агломерации малые города и поселки, тем мощнее становились ежедневные потоки «маятниковых мигрантов», направлявшихся в большие города и обратно.

Как измерить чрезмерное

Градостроительная литература пестрит выражениями: «чрезмерный рост», «чрезмерное развитие», «чрезмерная концентрация», «чрезмерное насыщение промышленностью» и так далее. Когда-то я упорно пытался дознаться: что имеют в виду авторы таких выражений? Увы, установить это не удалось. «Чрезмерное» — и все тут. Думается, за этими словами ничего и не стоит, кроме крайне смутных интуитивных ощущений, настолько неясных, что их трудно понятно выразить.

Передо мной новая книга, одного из крупнейших наших градovedов-географов Б. Хорева «Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение)». Автор пишет: «Нецелесообразен и нежелателен чрезмерный, гипертрофированный рост больших и сверхбольших городов». Но где начинаются гипертрофия и чрезмерность? Какова мера? Автор признает, что «теория оптимального города в том виде, как она у нас **проповедовалась** (очень точное слово. — В. П.), действительно не решала проблем развития больших городов, но это отнюдь не значит, что снимается или как-то сглаживается вопрос об ограничении роста больших городов». Вот и спор: что **надо** ограничивать — научно не доказано, но **ограничивать** надо. Бездоказательность, оказывается, «не исключает возможности проведения практических ограничительных мероприятий общего порядка, как, например, запрещение нового промышленного строительства в городах с населением свыше 500 тыс. человек и ограничения — в городах с населением от 250 до 500 тыс. человек».

Это тоже «проповедь», и, будучи научно необоснованной, она едва ли заслуживала бы внимания, если бы не лежала в основе расчета перспективной численности населения городов. В книге приведена таблица из 30 «излишне крупных городов» — от Горького (942 тыс. человек в 1959 г.) до Кирова (252 тыс.) с расчетом проектной численности на 1965 год и фактическим состоянием на начало того же года. В 23 случаях проектная численность была занижена. «Погрешности» расчета отнюдь не малы. В Ташкенте предполагался прирост в 88 тыс. человек, а составил 194 тыс., в Омске соответственно — 79 и 150, Красноярске — 33 и 129, Львове — 29 и 85 и т.д.

Какие же отсюда выводы? А вот какие: «Меры по ограничению роста излишне крупных городов проводятся еще недостаточно эффективно», поэтому-де в крупных городах надо «запретить строительство... новых заводов и других градообразующих объектов, не связанных с потребностями города», и т.д. Оказывается, надо не расчеты совершенствовать, а сделать, все для того, чтобы подогнать жизнь под расчеты.

Напрасно искать в книге критерии оптимальности или «чрезмерности». Автор — сведущий географ. Поэтому он не может, конечно, не знать, что главным критерием

эффективности размещения производительных сил географы обычно считают производительность общественного труда. Подсчеты же показывают, что производительность труда в больших городах много выше, чем в малых, а в сверхбольших много выше, чем в больших. Так, например, производительность труда в промышленности городов с населением свыше миллиона человек на 38 процентов выше, чем в городах с населением 100—500 тыс., а фондоотдача выше в два с лишним раза.

А лучший ли это выход?

Нет ни одного растущего большого города, в котором не велось бы промышленного строительства (часто оно выступает под видом реконструкции предприятий). Мы не будем здесь доказывать, целесообразно это или нет. Но появление новых рабочих мест требует появления новых работников.

Вот почему, хотя во многих крупных городах прописка давно и жестко ограничена, тем не менее они растут и растут. И дело здесь совсем не в естественном приросте (перевесе рождений над смертностью), который как раз в самых крупных городах незначителен. В Москве, например, в 1967 году он составил 1,7 человека на 1000 жителей, то есть 11 тысяч на всю Москву, а ведь ее ежегодный прирост — более 60 тысяч.

Административное регулирование миграции оказалось на редкость неэффективным, а там, где некоторый успех был, он привел только к недостатку рабочей силы, то есть промышленность и другие отрасли народного хозяйства не сумели использовать своих возможностей. Недостаток рабочей силы во многих городах удается смягчить увеличением междугородной маятниковой миграции — иными словами, ростом числа людей, которые ежедневно приезжают на работу из пригородов. Надо, однако, отдавать себе отчет в том, что такая компенсация достигается дорогой ценой. Говорят, что термин «маятниковая миграция» можно с не меньшим основанием, чем от маятника, производить от слов «маята», «маяться». Многие «маятниковые мигранты» тратят ежедневно на дорогу в дополнение к обычной городской норме еще полтора-два часа, а некоторые и больше. На работу в Москву едут даже из Серпухова и Можайска, из Каширы и Коломны — за 100 и более километров.

Вопрос об административном регулировании миграции в последние годы многократно обсуждался на научных совещаниях. Доказывая несостоятельность такого регулирования, специалисты предлагали провести эксперимент. Взять типичный большой город, «открыть» его и посмотреть, что произойдет. Такие предложения отменялись, что называется, «с порога».

Но ведь ясно одно: если в городах не будет рабочих мест, ограничивать прописку не придется — люди сами не приедут. Если появляются новые рабочие места, на них должны быть работники. Никакие ограничения прописки здесь не помогут. Можно лишь заставить людей жить за десятки километров от места работы. Однако лучший ли это выход?

Попытка прогноза

Сохранятся ли нынешние тенденции концентрации населения в больших городах или сменятся какими-то иными? Предсказания — неблагодарное дело. Недаром демографию называют «кладбищем прогнозов». Не буду говорить о многих десятилетиях. Что же касается ближайших 10—15 лет, то убежден, что нынешние тенденции не только сохранятся, но усилятся. Почему?

В народном хозяйстве происходят крупные структурные сдвиги. Снижается доля занятых в так называемой «первичной», добывающей сфере — сельском хозяйстве и добывающей промышленности. Растет доля занятых в обрабатывающей промышленности и в обслуживании. Но добывающая промышленность — это промышленность главным образом малых городов и рабочих поселков, а обрабатывающая — промышленность больших городов.

Хозяйственная реформа повышает значение «географического положения» предприятия. Повышенная эффективность предприятий, расположенных в больших городах, будет неизбежно вызывать стремление к их преимущественному развитию. Конечно же, реконструкция предприятий в большинстве случаев значительно выгоднее строительства новых.

На первом месте по темпам прироста занятых стоит, как известно, наука. Ее удельный вес в хозяйстве будет быстро повышаться. Но наука в наших условиях, несмотря на отдельные исключения, — все-таки отрасль большого города.

Наконец, вся сфера обслуживания, сильно отставшая от других отраслей народного хозяйства, неизбежно привязана к тем местам, где сосредоточены люди. Ее значение для роста городов будет все больше повышаться. Интересно, что число рабочих и служащих Москвы в 1968 году увеличилось на два процента, а число занятых в промышленности не изменилось.

Надо сказать и об одном социальном факторе. Большой город будет становиться все более привлекательным по мере того, как у людей будет увеличиваться свободное время. Возрастет значение внепрофессионального общения, условия для которого в хорошо организованном большом городе просто несравнимы с условиями малого города.

Проповеди отдельных ученых, направленные против объективных закономерностей, ничего хорошего дать не могут. Государственная политика регулирования роста города должна быть основана на точном знании относительных недостатков и преимуществ городов разных размеров и типов. Для этого надо изучить экономические, социологические, демографические, гигиенические и другие аспекты роста городов. Пока эти знания явно недостаточны, а то, что мы знаем, говорит скорее в пользу больших городов, нежели против них.

ГОРОДА И ГОРОЖАНЕ*

Кому жить в центре, а кому — на окраине? • Микрорайон сегодня и завтра • У вас «излишки»? Платите штраф! •

Города наши быстро растут, а условия жизни в них не менее быстро улучшаются. За 10 последних лет жилищный фонд увеличился на 60 процентов — почти вдвое больше, чем возросло число горожан. От коммунальных квартир перешли к семейным. Новые дома строятся, как правило, с полным набором «удобств», до мусоропровода и горячей воды включительно. Число газифицированных городских квартир за 10 лет увеличилось почти в 6 раз. Быстро улучшается общественное обслуживание.

При всем том условия жизни городского населения оставляют желать много лучшего. Один из главных недостатков современного города состоит в том, что он рассчитан на некоторого «среднего» горожанина. Между тем, в зависимости от возраста и семейного положения современный городской житель на протяжении жизни должен переменить примерно восемь типов квартир. Крайние, полярные группы населения предъявляют к жилищу и общественному обслуживанию требования, несовместимые друг с другом.

В большом городе сегодня живут: одинокие молодые люди, главным образом — недавние переселенцы; молодые брачные пары без детей; простые семьи — родители с детьми; сложные семьи — родители с детьми и кто-то из родителей родителей (семьи из трех поколений); старые брачные пары — после отделения детей; одинокие пожилые люди.

Молодые одинокие люди, как правило, не ведут домашнего хозяйства. У них резко повышенные требования к общественному питанию. В столовых и кафе им надо не только обедать, но и завтракать и ужинать. С другой стороны, для них менее важна, чем для многих других групп, организация торговли продовольственными товарами. Им очень нужны общения, спорт, развлечения. Отсюда — громадная потребность в местах встреч, проведения досуга, танцевальных и спортивных площадках, кафе, где можно не только поесть, клубах по интересам — обязательно с молодежным уклоном. Эта группа населения совсем не нуждается в детских дошкольных учреждениях и мало — в общеобразовательных школах.

---

* Отпечатано по гранкам. Номер газеты пока не установлен.

Видимо, лучший тип жилья для молодежи — дома с малометражными квартирами, с резко повышенным уровнем обслуживания «при доме». Одна из возможных форм жилища — тот вариант Дома Нового Быта, который пропагандировал архитектор Остерман.

Совсем иные требования предъявляют семьи с детьми. Квартиры в идеале должны быть многокомнатными (число комнат равно числу членов семьи плюс одна). Из учреждений обслуживания прежде всего нужны детские сады и школы. Магазины должны быть с наибольшим набором продовольственных товаров, высокой пропускной способности. А вот сеть общественного питания может быть редкой — в таких семьях питаются дома. Куда важнее в микрорайоне иметь развитую службу быта.

У людей пенсионного возраста свои, резко отличающиеся от других, требования и к жилищу, и к сфере обслуживания. Они нуждаются в специальных домах с повышенной звукоизоляцией, с квартирами уменьшенного размера, со специальным бытовым и медицинским обслуживанием. Все должно быть направлено к тому, чтобы создать размеренный ритм жизни. Желательно максимально приблизить ее к природе. Нужна особая организация общественной жизни, не по производственному, а по территориальному признаку. Клубы для пожилых, приспособленные к их потребностям, к устоявшимся стереотипам поведения — необходимый «институт» нынешнего города.

Нам представляется, что сколько-нибудь полно удовлетворить столь различные требования разных демографических групп к условиям жизни в микрорайонах, организованных по одному и тому же принципу, невозможно. Выход один: «специализировать» микрорайоны, то есть сделать следующий принципиально важный шаг в развитии городского расселения. Последним таким шагом была организация самих микрорайонов. Теперь надо идти дальше. Идея такой специализации, конечно, не нова. Давно уже созданы студенческие городки, жилые городки крупных предприятий и т.д. Однако это была ведомственная, отраслевая специализация. Об оптимальных условиях жизни в то время не очень-то думали. В демографически специализированном районе можно создать оптимальные условия именно для тех групп населения, на которые они рассчитаны.

Конечно, при такой организации расселения в городе неизбежна перемена мест жительства, смена микрорайонов. Такая смена происходит и сейчас. Однако только в первую половину человеческой жизни, на ее, так сказать, «восходящей ветви» подобные перемены происходят сколько-нибудь закономерно и организовано. Организация при этом опять-таки преимущественно «ведомственная». Как правило, предприятие или учреждение заботится сейчас о жилищных условиях своих работников. Обычно молодой

человек получает сначала место в общежитии, затем — комнату, потом — после создания собственной семьи — малометражную квартиру; впоследствии, возможно, ему, степенному отцу семейства, ценному и уважаемому работнику, «расширят» жилплощадь — дадут, скажем, трехкомнатную квартиру вместо одно- или двухкомнатной.

Но вот наступает переломный момент: семья начинает не расти, а уменьшаться. Сын женился и переехал, дочь окончила институт и получила назначение в другой город. «Старики» остаются вдвоем. Вот теперь в трехкомнатной квартире как раз-то самое идеальное положение — число комнат на одну больше числа жильцов. При содержании жилья главным образом за счет общественных фондов потребления подобное положение очень выгодно такой семье, однако пока не очень выгодно обществу в целом. Ибо оно, общество, вынуждено оттягивать тот прекрасный момент, когда сможет всех своих членов обеспечить жилой площадью по санитарной норме, уничтожить бараки, дать квартиры всем молодоженам. Наконец, приходит и тот скорбный час, когда один из супругов — чаще муж — уходит из жизни. Теперь вдова одна в трехкомнатной квартире. Эти 40—50 квадратных метров ей явно ни к чему. Но поскольку плата за жилую площадь мизерна — максимально 13 копеек в месяц за квадратный метр «необходимой» и 39 копеек за метр «избыточной» площади, — то сдать большую квартиру никакого интереса нет. Кроме того, в лишнюю комнату можно пустить жильца, который и оплатит с избытком всю квартиру. Избыточная площадь становится источником нетрудовых доходов. В других случаях начинаются махинации с обменом, обычно тоже не бескорыстные. Кстати, правилами обмена предусмотрено, что меняться можно только равноценной площадью, так что и бескорыстно обменять большую квартиру на меньшую по правилам нельзя. В третьих — прописывают дальних родственников, к которым затем и переходит квартира. Все это — варианты отнюдь не оптимальные с общественной точки зрения. Но хуже всего, когда квартира просто недоиспользуется.

На наш взгляд, целесообразно установить не только нижнюю, но и верхнюю границу обеспеченности жилплощадью. Представляется, что содержать «избыточные» квадратные метры за счет общественных фондов нет никаких оснований. Более того, уровень оплаты избыточной площади может быть «штрафным», а не льготным, хотя и утроенным, по сравнению с обычным, как сейчас. Тридцать девять копеек за метр по карману всякому, но те, кому приходится снимать комнаты и квартиры, хорошо знают, что им квадратный метр обходится в полтора-два и даже три рубля в месяц. Государственная квартплата за избыточную площадь должна быть на уровне, исключающем получение от жилья нетрудовых доходов.

Наконец, надо облегчить само переселение. Известно, что два переезда равны одному пожару. Немалых денег стоит перебраться на новое место, еще больших — оборудование жилища. Было бы целесообразно при сдаче большой и получении меньшей квартиры проводить переселение за государственный счет или давать пособия для переезда.

Итак, новые микрорайоны могут, а по нашему мнению, — и должны быть рассчитаны на удовлетворение потребностей главным образом определенных демографических групп. И будет очень хорошо, если человек получит возможность по мере изменения его возраста и семейного состояния переехать в микрорайон другого типа. Разумеется, такой переезд — дело сугубо добровольное. У человека должно быть и право остаться на старом месте. Мы говорим лишь о том, что издержки решения нес бы в этом случае сам решающий.

С другой стороны, процесс смены микрорайонов и типов жилья должен быть общественно организован. Речь может идти не об обмене квартирами, а о сдаче одних квартир и получении других. Это снимет массу сложнейших проблем обмена. Улучшится использование жилья. Улучшится жилищное положение в среднем. Никто не будет уже отказываться от обзаведения детьми или от увеличения их числа, ибо рост семьи автоматически приведет к прибавке жилплощади. Юноши и девушки перестанут откладывать браки из-за того, что им негде жить. Все это вопросы громадного общественного значения, ибо сейчас городское население себя не воспроизводит.

Разумеется, на все это можно вполне резонно возразить, что для такого порядка обеспечения горожан жильем нет пока объективных условий — недостаточен общий жилищный фонд. Это, конечно, вполне справедливо. Однако жилищная обеспеченность быстро растет, и пора готовиться к тем временам, когда жилья будет достаточно.

Как разместить демографически специализированные районы в городе? Тут, конечно, могут быть весьма различные варианты. Одно дело — новые города, другое — реконструируемые. Много зависит от величины города, от природных и других условий. Но если представить себе «идеальный» большой город, создаваемый на «чистом месте», где нет ограничений, то размещение микрорайонов, нам кажется, может быть таким.

В центральной части города жилищ нет. Здесь учреждения общегородского значения, театры, дома культуры, библиотеки, музеи, универмаги, гостиницы и т.д. Это «деловой» центр и район всякого рода учреждений эпизодического пользования для жителей всех районов города.

Первое «зональное кольцо» вокруг центра должно быть отдано самым молодым самостоятельным гражданам: одиночкам и брачным парам без детей. Жилые дома здесь с

малометражными квартирами, частично — общежития. Тип жилища рассчитан на возможно более полное обобществление быта. Широкое развитие столовых и кафе прямо в домах, а также бытовых мастерских. Интенсивное использование культурных возможностей общегородского центра. Здесь нет детских дошкольных учреждений, из общеобразовательных школ — только школы рабочей молодежи. Зато много техникумов, есть и ВУЗы.

Второе «кольцо» - для простых семей (родителей с детьми). Сюда переходят из первой зоны те, у кого появился ребенок. Этот район немислим без максимально развитой сети дошкольных учреждений. (В перспективе, видимо, все дети будут воспитываться в небольших, хорошо оборудованных детских садах.) Здесь должна быть на самом высоком уровне организована торговля продовольственными товарами, чтобы все имеющиеся в городе продукты можно было купить с минимальными затратами времени. Жилища состоят из многокомнатных квартир, в идеале — от четырехкомнатных для семьи из трех человек до 7—8-комнатных. Большие кухни, специальная планировка с учетом потребностей детей, особое оборудование детских комнат и т.д. (Повторяем: мы исходим из того, что питание останется семейным. При возможном варианте всеобщего охвата населения общественным питанием — необходима широко развитая сеть общественных столовых, приспособленных для посещения их и семьями — с блюдами для детей, отсутствием очередей и т.д.)

Местные культурные учреждения должны удовлетворять в какой-то мере вкусы и потребности всех обитателей «семейных» микрорайонов. Однако «специализированное» культурное обслуживание население получает в других микрорайонах, молодежь — преимущественно в центре, пожилые люди — ближе к периферии.

Не будем перечислять всех возможных «колец». Скажем только о последнем.

Внешнее кольцо города отводится для пожилых — бездетных семейных пар и одиноких. Это будут самые обширные районы города. Если сейчас доля тех, кому за 60, в большинстве крупных городов незначительна, то к концу века они будут составлять одну из самых многочисленных групп городского населения. Среди них окажется много людей одиноких, не имеющих детей.

Районы для престарелых должны иметь полукурортный облик. Масса зелени, тишина, малоэтажные дома, широко развитое общественное бытовое обслуживание, повышенный уровень медицинского обслуживания.

Еще раз повторим, что эта схема относится к новому большому городу, строящемуся по хорошо разработанному генплану. Однако демографическая специализация микрорайонов возможна, на наш взгляд, во всех крупных городах. В какой-то мере такая

специализация проводится и сейчас, однако далеко не всегда в рациональных направлениях. Так, например, центр Москвы в последние годы был в очень большой степени «разгружен» от населения и в какой-то мере приобрел черты того общегородского центра, о котором мы говорим в нашей идеальной схеме. Однако при этом получилось, к сожалению, так, что среди тех, кто живет сейчас в центре, осталось очень много пожилых людей. Из центра выехали не старики, для которых его условия малоподходящи и просто тяжелы (громадное транспортное движение, шум, толчея, отравленный воздух и т.д.), а молодежь, которая нередко оказывается в чрезмерном отдалении и от места работы, и от необходимых ей культурных учреждений. А многочисленные новые микрорайоны Москвы никак не специализированы, если не считать того, что в большинстве случаев это — районы-спальни, из которых почти все самодеятельное население вынуждено ежедневно ездить в другие районы.

Успехи градостроительства — жилищного строительства в особенности — делают своевременной постановку вопроса о переходе к новым формам внутригородского расселения. Демографическая специализация микрорайонов может дать, на наш взгляд, громадный экономический и социальный эффект. Для того чтобы проверить это на практике, нам кажется целесообразным создание опытных специализированных микрорайонов в некоторых больших городах. Возможно, выявились бы некоторые дополнительные преимущества нового характера расселения. С другой стороны, это позволило бы выявить те его недостатки, которые пока трудно предвидеть.

ГОРОДА-МИЛЛИОНЕРЫ*

В 1959 году их было всего три: Москва, Ленинград и Киев. К 1970 году их стало уже десять, а в начале 1974 года – одиннадцать, сейчас – тринадцать. Большинство городов-миллионеров быстро растет, роль городов-миллионеров в экономической, научной, культурной жизни страны чрезвычайно велика.

За пятнадцать лет после переписи 1959 года нынешние миллионеры росли так:

	Численность населения (тыс. чел.)		Прирост за 15 лет	
	1959 г.	1974 г.	тыс. чел.	в процентах
Москва	6044	7528	1484	25
Ленинград	3321	4243	922	28
Киев	1110	1887	777	70
Ташкент	927	1552	625	67
Баку	968	1359	391	40
Харьков	953	1330	377	40
Горький	941	1260	319	34
Новосибирск	885	1243	358	41
Куйбышев	806	1140	334	41
Свердловск	779	1122	343	44
Минск	509	1095	586	115
Итого:	17243	23759	6516	38

После 1959 года города-миллионеры появились во многих районах страны: в Белоруссии и Закавказье, в Средней Азии и Поволжье, на Урале и в Сибири... Это было и следствием, и фактором быстрого развития производительных сил этих районов.

За те же пятнадцать лет все городское население страны выросло в полтора раза, то есть доля проживающих в перечисленных одиннадцати городах во всем городском населении снизилась. Однако это произошло лишь за счет двух городов-гигантов – Москвы и Ленинграда. Население остальных, взятых вместе, выросло на 52 процента, что было выше среднего по стране. Если же учесть, что в росте городского населения

* Литературная газета N 18, 30 апреля 1975 г.

значительна доля вновь возникших городов и поселков, становятся очевидными преимущественные темпы роста нынешних миллионеров.

Резко выделяется среди них Минск, более чем удвоившийся за пятнадцать лет. Специалисты говорят даже об особом «феномене Минска». Действительно, такие темпы для крупнейших городов ныне необычны.

Число жителей городов-миллионеров (трех в 1959-м и одиннадцати в 1974 году) увеличилось в 2,3 раза – с 10,5 до 23,8 миллиона человек. В начале 1974 года в них жило 9,5 процента всего населения страны и 15,9 – всех горожан.

Каковы источники роста числа их жителей? Главный – миграция населения. В 1973 году из более чем полумиллионного прироста жителей этих городов только 26 процентов (всего – четверть!) пришлось на естественный прирост. Города-миллионеры с громадной силой притягивают население всех других городов и сел. Выезжают же из этих городов относительно редко.

Демографические показатели городов-миллионеров, к сожалению, ниже среднего уровня, хотя это вполне естественно для крупных городов, в которых рождаемость всегда была значительно меньше, чем в селе и маленьких городах. В 1973 году на 1000 жителей пришлось 14,5 рождения и 8,6 смерти – 5,9 человека прироста. По стране в целом эти цифры соответственно были: 17,6 и 8,7 – 8,9. Но дело даже не в этой разнице. Детей рожают в основном до тридцати лет. Из-за громадного притока мигрантов (преимущественно в возрасте пятнадцати-двадцати пяти лет) доля тех, кому от двадцати до тридцати, в крупнейших городах очень велика. Если в целом по стране она составляла в 1970 году менее 13 процентов, то во всех городах – более 15 (в селах – менее 10), а в Киеве, например, почти 19 процентов, в Минске – даже больше 20!

Однако коэффициент рождаемости в крупнейших городах низок.

Особенно малы демографические показатели у Москвы и Ленинграда. Так, в 1973 году на 1000 москвичей пришлось 12,4 рождения и 10 смертей – 2,4 человека естественного прироста.

Низкая рождаемость, видимо, в значительной мере определяется социальным составом населения. В городах-миллионерах особенно велика доля интеллигенции, у которой типичной становится однодетная семья. Кстати, в этих городах семья вдобавок и очень неустойчива. В 1973 году на 10000 браков в среднем по одиннадцати городам пришлось 408 разводов (по стране в целом – 270). Особенно велика «разводимость» в Киеве – 446 разводов на 1000 браков, Москве – 436, Новосибирске – 431, Ленинграде – 425; ниже в Горьком – 333.

Как известно, в СССР предпринимаются большие усилия для сдерживания роста крупнейших городов. В них запрещено строительство промышленных предприятий, не связанных с обслуживанием данного города. В генеральных планах роста и развития городов (они есть у всех городов-миллионеров) всегда предусматривается численность горожан на «расчетный срок», обычно на двадцать-двадцать пять лет вперед. Однако нередко оказывается, что прирост, планировавшийся на четверть столетия, происходит за пять-семь лет, и генплан приходится срочно «корректировать».

Почему же не удается сдержать рост городов?

В основе его размера лежит производство, а население определяется количеством рабочих мест. В народнохозяйственном комплексе всех крупнейших городов первое место занимает промышленность. Посмотрим, как росла она в последние года. За три года (1971-1973) общий объем промышленной продукции в стране вырос на 23 процента. Из одиннадцати городов-миллионеров в пяти рост был немного ниже среднего, а в шести – выше. Больше всего он был в Минске – 34 процента, Новосибирске – 30, Киеве – 29 процентов. Поскольку рост промышленного производства по стране в целом частично идет за счет увеличения числа работников, следует допустить, что в этих городах число занятых в промышленности росло, и даже довольно быстро. Почему это происходит? Почему новые рабочие места вводятся преимущественно в больших городах, в том числе и в миллионерах, а не в малых? Ответ прост: по причинам экономическим, потому что в большом городе выше производительность труда и фондоотдача (то есть «производительность» прошлого, «овеществленного» труда). Как показывают специальные исследования, выше всего производительность труда и фондоотдача именно в городах-миллионерах. Это и заставляет министерства и ведомства стремиться к строительству новых промышленных предприятий и расширению старых с увеличением персонала в больших и крупнейших городах.

Однако дело не только в промышленности. В последнее время, как известно, повсеместно расширяется сфера обслуживания, растет ее доля в численности занятых. Естественно, предприятия сферы обслуживания (магазины, школы, больницы и т.д.) размещаются преимущественно там, где проживает население, которое надо обслуживать. Даже за счет только этого население городов-миллионеров должно значительно возрасти. Крупнейшие города у нас, кроме того, выполняют функции центров обслуживания для многочисленного населения обширных окружающих районов – как сельского, так и городского. Так, республиканские столицы становятся и торговыми столицами.

В 1973 году розничный торговый товарооборот в Москве на душу населения составил 1638 рублей при среднем по стране 743 рубля, а в Ереване, например, - 804 рубля, Новосибирске – 855 рублей. Легко видеть, что около половины товарооборота Москвы приходится не на москвичей. Много покупок совершают в столице жители Московской области (а их шесть миллионов). Специально в московские магазины приезжают жители окрестных областей. Много здесь командированных, туристов, экскурсантов. Думается, что торговые функции Москвы гипертрофированы. Всегда товары везли к покупателям, а не покупатель ехал к товару. Может быть, такая организация торговли выгодна торговым ведомствам, однако с точки зрения общества она расточительна.

В последнее время одним из главных факторов роста крупнейших городов стало развитие науки. Поскольку наука сконцентрирована в этих городах, возможности использования научных достижений здесь больше, чем в других местах. Дело, однако, не только в этом. Наука становится важной отраслью занятости. В этом отношении она растет быстрее любой другой отрасли народного хозяйства. Все города-миллионеры – крупные научные центры.

Выделяется Москва, где наука по числу занятых стоит на втором месте, уступая лишь промышленности, и имеет шансы в недалеком будущем стать первой отраслью народного хозяйства. В 1960 году в промышленности было занято 36 процентов всех рабочих и служащих Москвы, а в науке – 12. К 1970 году доля промышленности снизилась до 30 процентов, а науки – поднялась до 18. При таких темпах изменения структуры занятости, вероятно, к 1980 году наука превзойдет промышленность по числу занятых. Разумеется, пока это исключительный случай, однако несомненно, что он хорошо показывает общие для миллионеров тенденции. Стремительное развитие науки будет стимулировать рост крупнейших городов.

Миллионеры резко выделяются среди других городов по концентрации подготовки кадров высшей квалификации. В этих одиннадцати городах находится 30 процентов всех вузов страны, причем наиболее крупные, в которых занимается более 37 процентов всех студентов. Еще сильнее концентрация подготовки аспирантов. Треть их сосредоточена в одной Москве. Размеры подготовки кадров высшей квалификации будут, несомненно, расти, причем будет повышаться доля студентов-очников, что непосредственно сказывается на размерах городов.

Рост этот будет, несомненно, продолжаться, хотя общие его темпы, по-видимому, снизятся. Главным образом – из-за уменьшения естественного прироста и снижения доли сельских жителей.

Однако доля миллионеров в населении будет, несомненно, быстро расти. Пятнадцать лет назад их было всего три, в начале 1974 года – одиннадцать. А сколько их будет еще через пятнадцать лет?

Совсем недавно миллионерами стали Одесса и Тбилиси. Еще шесть городов – Челябинск, Днепропетровск, Омск, Донецк, Казань и Пермь – имели в начале прошлого года от 920 до 950 тысяч человек каждый. Нет сомнения, что все они станут миллионерами до 1980 года. Тогда миллионеров будет уже девятнадцать. А следом за ними идут еще десять городов с населением от 730 до 900 тысяч, большинство которых быстро растет. Миллионерами будут все столицы закавказских республик, четыре миллионера будет на Урале (по два по каждую сторону хребта) и пять на Украине. Миллионеры будут во всех крупных экономических районах страны, кроме, по-видимому, Дальнего Востока. Думается, что это весьма благоприятно скажется на дальнейшем экономическом и социальном развитии страны, поскольку миллионеры – главные «фокусы» этого развития, двигатели научно-технической революции, оказывающие мощное влияние на окружающие районы. Можно думать, что к началу девяностых годов в стране будет около 30 городов-миллионеров, относительно равномерно размещенных по территории, возглавляющих большинство союзных республик, крупных экономических районов, а также некоторые экономически мощные автономные республики и административные области.

В последнее время основной формой расселения становится уже не отдельный «точечный» город, выделяемый статистикой, а не учитываемая ею агломерация – скопление городов и поселков, тесно связанных друг с другом в экономическом, демографическом, трудовом, бытовом отношениях.

Если говорить об агломерациях, то уже к 1970 году в стране было двадцать агломераций миллионеров, и число их быстро растет. Планомерное создание агломераций, которое позволяет использовать преимущества крупнейших городов и в некоторой степени освободиться от их недостатков (уменьшается концентрация вредных веществ в атмосфере, уменьшается шум и т.д.), может затормозить рост городов-миллионеров, каждый из которых – центр такой агломерации. Хорошо известно, что центры агломераций растут медленнее, чем их внешние части. Так, в наиболее развитой нашей агломерации – Московской – центральный город за 15 лет вырос всего на 25 процентов, а многие города и поселки, расположенные в радиусе пятидесяти километров от московских железнодорожных вокзалов, - в два, три и более раз.

Часто говорят о перенаселенности больших городов. Что под этим понимается? Если говорить о жилье, то жители городов-миллионеров живут значительно просторнее населения других городов и рабочих поселков. На начало 1974 года на каждого жителя этих одиннадцати крупнейших городов приходилось в среднем по 12,6 квадратного метра общей площади жилищ, в то время как у всего городского населения страны – по 11,6, а у всех горожан, за исключением жителей этих одиннадцати городов, - по 11,4 метра. Разница, таким образом, составляет 1,2 метра на человека. Мало ли это? Ежегодно жилищная обеспеченность повышается у нас на 0,2 квадратного метра на человека. Таким образом, крупнейшие города обогнали все другие на шесть лет.

Что бы ни говорили о действительных фактических преимуществах малых городов с их хорошим воздухом, неторопливостью, спокойствием, малыми транспортными потерями, в большие города стремятся многие не потому, что здесь лучше с жильем, работой или снабжением – многое из этого может быть кратковременным, конъюнктурным, поскольку снабжение повсюду становится лучше. С точки зрения развития личности, крупнейшие города, на мой взгляд, имеют многие социальные преимущества, главное из которых – широта выбора. Выбора работы, профессии, учебного заведения, друзей, способов времяпрепровождения и т.д.

Видимо, большой город будет менять свою форму, переходя в агломерацию и так называемый урбанизированный район. Но это не «отрицание» крупного города, а переход его в более высокую стадию. Пока растет население – нельзя прекратить рост крупнейших городов. Надо найти оптимальные пути их развития.

КАКИМ БЫТЬ СЕЛУ?*

Советское село развивается быстро, приближаясь к городу в экономическом, социальном и бытовом отношении. В сельскохозяйственное производство внедряются новая техника и технология, создаются мощные животноводческие комплексы промышленного типа, увеличивается доля квалифицированного труда, совершенствуется организация труда и его оплата. Растут заработки. Уменьшается доля личного подсобного хозяйства. Происходит концентрация сельского населения. Наконец, растет культура села. Этот характерный для современного села процесс **урбанизации**, с одной стороны, успешно решает многие проблемы, с другой, — сам порождает новые — **проблемы роста**, без которых невозможно никакое развитие. Однако не только он повинен в возникновении новых проблем: часть из них появилась из-за неверных представлений о будущем села, из-за ошибочных прогнозов, из-за недостаточной научной разработанности многих вопросов. Такова и пресловутая проблема: каким быть селу — селом или агрогородом?

Мода на так называемые агрогорода (городские поселения жители которых заняты преимущественно в сельском хозяйстве, но сами эти поселения во всех иных смыслах — по застройке, удобствам и т.д. — должны быть подобны обычным городам) появилась у нас еще в пятидесятых годах. Наиболее ярые сторонники этой моды решили, что село исчезает, доживает последние если не годы, то десятилетия и что в недалеком будущем вместо многих сотен тысяч деревень в стране будет несколько десятков тысяч агрогородов.

Дело, конечно, не в названии. Как говорится, «хоть горшком назови, только в печку не ставь». Теперь термин «агрогород» встречается не часто, но суть предлагаемого и ныне специалистами сельского расселения очень близка к программе энтузиастов агрогородов. Сейчас почти во всех сельских административных районах имеются так называемые схемы районных планировок. Так вот, главная идея большинства этих схем — всемерно концентрировать сельское население, ликвидировать большинство существующих населенных пунктов, переместить жителей в немногие «перспективные» поселения.

Знакомые проекты! Они обсуждались еще в 1968 году в Минске на Всесоюзном совещании по сельскому строительству, созванному после обширной дискуссии, которую вела «ЛГ». И тогда, шесть лет назад, подводя итоги и совещанию, и дискуссии, писательница Н. Четунова на страницах газеты отмечала, что существующие схемы

---

* 1974 г. (?). Отпечатано по гранкам. Номер газеты пока не установлен.

районных планировок и проекты сельских домов признаны неудовлетворительными и осуждены и Госстроем СССР, и Госкомитетом по гражданскому строительству и архитектуре. И что же? А ничего! Идея агрогорода, как мифический Феникс, благополучно выпорхнула из пепла былых сражений. И вот осенью прошлого года в Киеве, на специальном совещании по сельским районным планировкам, я узнал, что рвение в этом отношении доходит даже до того, что в некоторых лесостепных районах Украины, для которых характерны крупные села, «перспективными» посчитали только 15—17 процентов существующих населенных пунктов, то есть каждый шестой — седьмой. В «неперспективные» попали даже некоторые центральные усадьбы совхозов и главные поселения колхозов; в иных из них проживает более полутора тысяч человек. А ведь в «неперспективных» поселениях нельзя вести новое строительство (оно ведется, конечно, но запрещено соответствующими решениями).

Ради чего же надо стремиться к такой «сверхконцентрации»? Как выяснилось, в первую очередь — ради экономии средств на инженерные коммуникации и благоустройство, ради экономии на «потреблении». А как это скажется на сельскохозяйственном производстве, ради которого, собственно, и существуют деревни?

Между тем и в научных трудах, и в той же проведенной «ЛГ» дискуссии неоднократно высказывалась мысль о том, что вопрос, каким именно быть селу, подчинен развитию хозяйства, производства, которое и определит возможную концентрацию населения. Агроном А. Куховаренко, один из участников дискуссии, прекрасно сформулировал проблему, сказав: «Землю-то не сселишь!»

Существует мнение, что концентрация населения помогает производству. Правда, как правило, не подтвержденное доказательствами. Когда попробовали проверить это мнение, оказалось, что влияние концентрации населения может быть и неблагоприятным. В частности выяснилось, что в тех совхозах Целиноградской области, в которых по пять и более населенных пунктов, урожаи зерна на 16 процентов больше, чем в тех, где по два поселения, а себестоимость его в первом случае на целых 28 процентов ниже, чем во втором. С аналогичной картиной я столкнулся в новом хлопковом совхозе Голодной степи. Директор совхоза много и горячо говорил о том, что строительство для совхоза единого поселка сильно облегчило решение бытовых проблем. «Но вот центнеров пять хлопка на гектаре мы из-за этого теряем». «А почему?» — поинтересовался я. Оказывается, хлопок — культура требовательная и привередливая. Когда поселков несколько и поле находится рядом с поселком, легче следить за состоянием растений и своевременно прибегать к той или иной сельскохозяйственной операции.

Разумеется, строить общие выводы на отдельных примерах нельзя. Наверняка можно найти и противоположные случаи. Эти примеры говорят только о том, что, во-первых, ни в чем не должно быть шаблона, во-вторых, — что нельзя делать выводы об оптимальных размерах сельских населенных пунктов исходя лишь из соображений экономии средств на бытовое обслуживание жителей. **Во главу угла следует поставить и интересы производства, и условия жизни населения, соизмерить дополнительные расходы и доходы при разных вариантах расселения.** Вполне может оказаться, что дополнительные доходы многократно перекроют дополнительные затраты на создание бытовых удобств в относительно небольших населенных пунктах.

И еще одно: то, что будет хорошо, скажем, для Молдавии, с ее громадными селами, высокой плотностью населения и неплохими дорогами, окажется совершенно негодным в условиях европейского Севера или Сибири с их малолюдьем и бездорожьем. Известно ведь, что в ряде областей лесной зоны с исчезновением мелких населенных пунктов выпадают из сельскохозяйственного оборота пашни и сенокосы, что отдаленные от деревень сенокосы и пастбища зарастают лесом и кустарников, заболачиваются. Мы можем потерять земли, освоение которых в свое время потребовало громадных сил и средств от наших предков; вполне вероятно, что в недалеком будущем нам самим или нашим детям придется вновь осваивать эти земли — корчевать леса, осушать болота. Разве можно не учитывать и это при составлении схем районной планировки?

Во многих областях страны с развитым сельским хозяйством плотность сельского населения ниже пяти человек, а в некоторых — даже меньше одного человека на квадратный километр. Плотность сельскохозяйственного населения, естественно, еще ниже. Теперь представим себе, что население размещается в административной области равномерно, а земельные угодья хозяйств расположены правильными квадратами, причем единственный поселок хозяйства находится точно в его центре. Так вот, при всех этих идеальных условиях и размере поселка всего в 1000 человек расстояние от него до крайних точек при плотности сельского населения в 5 человек на километр составит по воздуху 15 километром, а при плотности 1 человек — даже 24 километра. При действительных конфигурациях площадей, сдвинутости поселка к одному краю и извилистости дорог наберутся и все 40 километров — ведь именно в слабозаселенных местах меньше всего дорог с твердым покрытием. Попробуйте во всех этих условиях вести сельское хозяйство — его продукция влетит в хорошую копейку!

Вторая причина стремления к «сверхконцентрации» сельских жителей — неверные представления о перспективной численности сельского населения. Авторы многих работ полагают, что в 2000 году сельских жителей будет больше, чем сейчас. Судя по

прогнозам, которые сообщают в книге «Планировка, застройка и благоустройство сел Украинской ССР» доктор экономических наук Г. Кузнецов и экономист В. Кальненко, в сельском хозяйстве Украины, которая дает менее 1/5 сельскохозяйственной продукции страны, в 2000 году будет занято более 7 миллионов человек. Условия сельскохозяйственного производства на Украине можно считать лучшими по стране, следовательно, исходя из приведенных цифр, общее число достигнет 35 миллионов минимум — то есть намного больше, чем сейчас. Ну не фантастика ли?

Еще удивительнее прогноз инженера Н. Солярчука в том же сборнике. Он полагает, что сельское население Ковельского района Волынской области возрастет с 53 до 68 тысяч человек. А район расположен в Украинском Полесье, где по данным самого Н. Солярчука, колхозники работают менее 160 дней в году, потому что и сейчас там почти двойной избыток трудовых сил.

Если бы все эти удивительные предположения оправдались, можно было бы, наверное, собрать жителей и в агрогорода — их было бы для этого достаточно. Но дело в том, что численность сельского населения **уменьшается**, и чем дальше, тем больше. А при этом процессе нередко сокращается и количество поселений, но никакой концентрации не происходит. Для кого же «город городить», если жителей в нем не будет?

Если говорить о стране в целом, то, конечно, сельское население несколько сконцентрировалось. Однако, как и насколько, — определить трудно, так как критерии понятия «населенный пункт» в переписях 1959 и 1970 годов были разными: многие отдельные поселения 1959 года в 1970 году были формально объединены, «присоединены» к более крупным поселениям. Поэтому, например, в первом случае в Эстонии насчитали их 117 тысяч, а во втором — всего семь, хотя в натуре многочисленные эстонские хутора сохранились по-прежнему.

Демографы, специалисты по селу, единогласно считают, что концентрация сельского населения происходит, но очень медленно. И одна из главных причин этой замедленности — дороговизна жилья. Если в лесной зоне часть построек еще можно перенести на другое место — раскатать по бревнышку и снова собрать, то в других местах переселиться — значит возводить и новое жилье, и другие постройки. А это не фунт изюму купить.

Например, трехкомнатный сельский дом в экспериментально-показательном селе Трушки под Белой Церковью обходится в 10 тысяч рублей без надворных построек и в 12 тысяч рублей — с ними.

Проектная стоимость образцово-показательного агрогорода в колхозе «Большевик» Новосибирской области составляет 11 миллионов рублей. В этом поселке будут жить 2700 человек, то есть в расчете на одного жителя — более 4 тысяч рублей.

Если по нормативам этого колхоза построить одно только жилье и объекты соцкультбыта для 50 миллионов сельских жителей (а по мнению энтузиастов агрогородов, переселить надо куда больше людей!), потребуется 200 миллиардов рублей. Для сравнения: **все** вложения государства и колхозов **во все** сельское хозяйство в этой пятилетке — 129 миллиардов рублей.

Наконец еще одно. В последнее время в наших сельских местностях ежегодно строилось 33—35 миллионов квадратных метров общей площади жилищ. Если принять даже самые минимальные нормы перспективной обеспеченности сельского населения жильем — 10 квадратных метров жилой площади или 15 метров общей площади на человека, — то для переселения 50 миллионов человек нужно ввести 750 миллионов квадратных метров общей площади жилищ. Это потребует, при нынешнем объеме жилищного строительства в селе, более **двадцати** лет.

Обдумав все это, невольно задаешь себе вопрос: а верна ли **всеобщая** установка на концентрацию сельских жителей? Верно ли делать ставку на «агрогорода»? Не лучше ли сейчас заняться в первую очередь теми районами, где в деревне не хватает рабочей силы, а население активно уходит в города? Исследователи миграции населения в один голос утверждают, что отток сельских жителей из малых, «неперспективных» поселений усиливается, потому что все важнее для деревенских жителей становятся социально-бытовые условия жизни, все большее значение придают они возможности получить образование.

Так что же? Разве из этого напрашивается вывод о невозможности обеспечить высокий уровень социально-бытового и культурного обслуживания в небольших селах?

ПЕРЕЕЗД — НЕ ВЫХОД*

(Концентрация населения в больших городах неизбежна)

Долгая история урбанизации постоянно сопровождалась антиурбанистскими настроениями. Идеи Н. Гольцева — еще одна попытка. Город часто пугал людей, а также вызывал элегические мечтания о прошлом, о тихой сельской жизни. Позволю себе на этом не останавливаться, но, видимо, к нашей теме нужно некоторое предварительное пояснение. Урбанизация — очень сложный, многогранный социальный процесс, неразрывно связанный с развитием производительных сил. То, о чем идет речь в статье Н. Гольцева, — лишь одна из множества сторон этого процесса, которую нельзя рассматривать изолированно от всего остального. По существу, Н. Гольцев говорит лишь о формах расселения, о распределении людей по территории. Да, урбанизация связана с концентрацией населения, с преимущественным ростом больших городов и агломераций. Однако уменьшение числа жителей в отдельных больших городах или их частях — совсем не дезурбанизация (процесс, противоположный урбанизации), а только новая стадия урбанизации.

Очевидно, имеет смысл говорить об урбанизации отечественной, а не об урбанизации вообще, поскольку несходство экономических и социальных механизмов в ряде стран ведет к существенным различиям в самих процессах.

Общеизвестно, что ускоренный рост городов СССР был неразрывно связан с индустриализацией. В начале 1927 года в городах проживало всего 18 процентов населения страны, в 1984-м — 65 процентов.

При этом особенно стремительно росло население больших городов. В самые последние годы это выражено еще сильнее. В громадной степени выросло число городов-миллионеров. Если в 1959 году их было всего три, то к началу 1984 года — двадцать два.

Концентрация городского населения будет выглядеть еще внушительнее, если учесть, что основными единицами расселения стали не отдельные, «точечные» города, а агломерации, то есть скопления тесно связанных между собою городов и поселков.

---

* Литературная газета № 47, 21 ноября 1984 г. Статья опубликована в рубрике: «Большой город; где его пределы?» В. Переведенцев полемизирует с кинодраматургом Н. Гольцовым, опубликовавшим в том же номере «ЛГ» статью «Переезжать в провинцию». Н. Гольцов полагает, что «рост крупных городов — это плохо» и предлагает организованно переместить значительную часть населения из городов в провинцию путем строительства в деревне кооперативного жилья.

Такая концентрация населения вызывает у многих чрезвычайно отрицательное отношение, в том числе стремление как-то ограничить рост больших городов. Эти настроения сказываются, в частности, и в том, что прогнозные наметки по перспективной численности населения ряда больших городов в генеральных планах их развития уменьшались волевым путем. Однако почти всегда оказывалось, что фактически население города растет много быстрее, чем было предусмотрено в его генплане. Так было с Киевом, Минском и другими большими центрами.

В официальных, обязательных для проектировщиков документах нередко можно встретить такие формулировки: «Расчетная численность населения городов, как правило, не должна выходить за пределы 200—250 тысяч человек»... «Пределы оптимальной численности населения городов по возможности следует устанавливать от 30 до 250—300 тысяч человек».

На чем эти требования основывались? На том, что якобы слишком малые города невыгодны, слишком большие — неудобны и невыгодны. По словам специалиста по планировке городов и районов В. Г. Давидовича, «анализ требований экономики городского хозяйства, гигиены и удобства жизни населения показывает, что желательно развитие городов различных величин, изменяющихся от 50 до 200 тысяч жителей, и можно считать допустимым в широких пределах — от 10 до 400 тысяч жителей».

Невыгодность большого города доказывают тем, что содержание одного жителя в 400-тысячном городе оказывалось почти на семь процентов дороже, чем в 50-тысячном, а в 800-тысячном — даже на 9 процентов.

Но ведь каждый экономически грамотный человек знает, что сравнивать нужно не только затраты, но и результаты. То есть в нашем случае не только то, чего человек требует, но и то, что он дает. А производительность труда в большом городе, как давно известно, много выше, чем в малом или среднем. Так, по одному из исследований, оказалось, что производительность труда в малых городах (до 50 тысяч) составила 90 процентов от среднестатистической, а в городах с населением больше одного миллиона жителей — 138 процентов; фондоотдача соответственно 82 и 211 процентов. Дополнительный доход от одного жителя большого города более чем в десять раз превышает дополнительные расходы на него. Большой город экономически выгоден. Это и есть главная причина концентрации горожан. В этом выводе нет ничего нового. Давным-давно известен так называемый эффект агломерации, заключающийся в том, что для достижения определенного экономического результата в большом городе нужны меньшие затраты, чем в малом.

Вот я раскрываю новейший реферативный журнал и читаю: «Агломерационный фактор является одним из основных факторов размещения производительных сил СССР, значение которого с каждым годом возрастает».

Так что совсем не случайно и не по ошибке именно в больших городах оказываются предприятия обрабатывающей промышленности, научно-исследовательские институты, проектные организации, высшие учебные заведения и другие **градообразующие** объекты. В основе роста больших городов лежит увеличение числа рабочих мест в градообразующих отраслях народного хозяйства с естественным ростом сферы обслуживания.

В последнее время часто и справедливо указывают на неблагоприятную экологическую обстановку во многих больших городах. Однако вполне вероятно, что использование на экологические цели лишь небольшой части дохода, получаемого в больших городах, позволило бы намного улучшить там среду обитания.

Часто и опять-таки справедливо говорят о разного рода неудобствах большого города, слишком дальних поездках на работу, транспортной усталости и т.д. Однако тут важно разобраться — зависит ли все это от размеров города или от других причин. Полагаю, что большинство неудобств большого города вызывается именно другими причинами: наследием старой планировки, недостатком транспортных средств и вообще плохой работой общественного транспорта, ошибками в размещении внутри города определенных объектов и т.д.

Например, в Москве исторически сложилась радиально-кольцевая планировочная структура. В последние десятилетия резко преимущественное развитие получили радиусы, при недостатке новых транспортных колец. Поэтому нередко проехать в соседний окраинный район бывает удобнее и быстрее через центр, чем напрямую, по короткой хорде. Именно так ездю я сам из Чертанова в район Ленинского проспекта.

А перегрузка людьми центров городов! Конечно, если рядом расположить три крупнейших магазина, а кроме того, десятки магазинов поменьше да помножить это на нашу организацию торговли, — чего же еще можно ожидать!

Думаю, что продуктивно было бы поставить вопрос так: возможен ли **удобный для человека** очень большой город, если создать его на основе современных достижений науки и техники?

Полагаю, что ответ будет положительным, однако для доказательства этого нужна, естественно, основательная работа специалистов.

Для нас сейчас более важно другое: как оценивают большие города сами их жители и те, кто хотел бы в них жить.

Разве москвичи, ленинградцы, киевляне и т.д. так уж стремятся их покинуть? Разве они хотят обменять свои московские, ленинградские и прочие квартиры на жилье в меньших городах! Разве малые и средние города приходится «защищать» административными мерами от наплыва мигрантов?

Именно у самых больших городов — высочайший престиж, именно сюда стремятся люди отовсюду, именно москвичи и ленинградцы руками и ногами держатся за эти города... Пожалуй, лучше всего это подтвердят квартирообменные дела. За комнату в коммунальной квартире москвич может получить и двух-, и трехкомнатную квартиру в относительно небольшом городе. Вот он — «глас народа».

В чем тут дело? Причин, конечно, много, но главное — громадные социальные преимущества больших городов. И прежде всего — **широта выбора**, о чем Н. Гольцев уже сказал.

Таким образом, большой город имеет громадные и неоспоримые преимущества перед другими типами поселений.

Но, разумеется, у большого города и отрицательных сторон больше. Как демограф, я не могу не видеть его громадного демографического недостатка: детей не хватает для замещения родительского поколения. Чтобы население большого города не росло, нет нужды переселять людей в деревню или куда-нибудь еще. Достаточно, чтобы не было притока населения из-за пределов. При таком условии легко подсчитать, когда население, скажем, Москвы станет меньше в два—четыре—восемь раз. Совершенно фантастично предположение И. Гольцева: «Через 10—15 лет мы будем иметь свой мегаполис с населением в 25—30 миллионов человек».

Рациональным зерном в «социальной гипотезе» Н. Гольцева мне представляется только утверждение о том, что большой город тяжел для пожилых людей, и нужно позаботиться о лучшей организации их отдыха. Как это сделать — вопрос особый и достаточно сложный. Но, думаю, ни при каких условиях решение не будет дезурбанизацией, как полагает Н. Гольцев. Если бы его идея когда-нибудь осуществилась (в это я не верю), то, несомненно, результат был бы противоположным тому, о чем мечтает автор. Он не предполагает, что выдвинул способ... стимулировать урбанизацию, подстегнуть, в частности, урбанизацию деревни.

Что будет с большими городами в предвидимом будущем?

«Грядущие годы таятся во мгле», — сказал поэт. Но до конца этого столетия «мгла» не столь уж непроницаема. Все говорит за то, что концентрация населения в больших городах и агломерациях продолжится, что контрасты заселенности в разных местах страны станут еще резче. Однако темпы роста городов и агломераций, низкие уже теперь,

будут снижаться. Потому что, во-первых, уменьшилась и продолжает уменьшаться доля сельского населения; во-вторых, естественный прирост населения страны будет падать.

Концентрация населения в больших городах неизбежна уже потому, что будет повышаться доля сферы обслуживания в широком смысле слова среди занятых в народном хозяйстве. Для роста города теперь совсем не обязательно увеличение работающих в промышленности. Пример Москвы здесь достаточно показателен: число занятых в промышленности города с 1965 по 1979 год увеличилось всего на три процента, всех же занятых в его народном хозяйстве — на двадцать девять процентов.

Естественный прирост населения должен быстро упасть во второй половине восьмидесятых годов, поскольку в возраст наивысшей рождаемости начинает входить малолюдное поколение, рожденное в шестидесятые годы.

Пофантазировать о будущем городов и деревень, урбанизации и дезурбанизации, конечно, неплохо, но хорошо бы при этом крепко стоять на почве хорошо известных фактов и закономерностей.